

СЛУЖЕБНЫЙ РОМАНС ИЛИ ИРОНИЯ ЖАНРА

(грустная, но оптимистичная история)

На первый в своей жизни урок он летел, как теннисный мячик, "погашенный в свечке", стремится к победе и страшно боится сломать траекторию и удариться со всего маха в ненавистную сетку, натянутую на его пути.

Он был молод, энергичен и, в силу этого, в меру нахален. Высок, строен, как кипарис, блондин с голубыми глазами. Девушки его любили и лелеяли.

По глупости своего возраста он думал: "Вот оно, пришло, свершилось. Сейчас я им расскажу то, о чем они не догадываются, то, что даже не приходит в голову тем, кто позволяет фамильярно заявить: «А ведь Вы у меня учились. Коллега!» Примазываются, чувствуют, что уже не те, не то время, заискивают. По мере того как он поднимался по лестнице в класс, его морально-психологическое состояние менялось не в лучшую сторону.

Дверь в класс ему показалась какой-то узкой и в то же время слишком широкой. Пока он размышлял над этим странным обстоятельством, голос сверху сказал: "Входи, Бог даст, все обойдется".

Глядя циничными со страху, но пустыми глазами на учеников, он представился, переставив при этом местами свое имя и отчество. С трудом произнес фамилию. Назвал тему урока, но рассказывать начал вместо закона Ома для полной цепи, закон Ома для неполной. Ученики затихли, подумав, что грядет новое слово в науке. Нового слова не последовало.

Прошло пять лет. Походкой полной достоинства и с чувством глубокого уважения к себе он шел в школу. В голове путались образы десятиклассниц и античных героинь. Правильные мысли на какие-то мгновения сбивались сюжетами из прозы жизни. Но он уже научился сосредоточиваться на главном и не обращать внимания на пустое.

Поднимаясь по лестнице в класс, он вальяжно здоровался с учащимися и подобострастно тряс руки старым учителям.

Скрипучая дверь в класс начинала действовать на нервы. Раздражала дверная ручка, вечно болтающаяся на одном шурупе. Да и сама дверь какая-то такая, что не предвещала большой радости на ближайший час.

"Здравствуйте!" - с чувством сказал он. Учащиеся с вниманием отнеслись к приветствию и в ожидании занесли ручки над тетрадами. Он обстоятельно обосновал тему и план урока. Подчеркнул при этом, что не намерен пересказывать учебник, а расскажет то, о чем не пишут в книгах, и выскажет по этому поводу свое мнение.

Учащиеся замерли в нервном ожидании откровений.

Урок он заканчивал, как самолет, который с большой высоты идет на посадку. По мере снижения все отчетливее видны и ближе становятся деревни, поселки, города и люди на их улицах. И вот она, освещенная ярким светом, посадочная полоса. Он отчетливо видел умиленные глаза учениц, задумчивые позы учеников, и далее бездельники на задних партах застыли в задумчивой растерянности.

Со сдержанной торжественностью он вышел из класса.

Десять лет спустя. Он давно уже считал необязательным ходить на уроки в белой рубашке. Все меньше хватало времени, чтобы успеть сделать все, а свитер можно было не гладить. Все чаще на уроки он спешил не из дома. Судорожно разглаживая на лице последствия жизненных коллизии, пытался выстроить «экспромты предстоящих занятий». Проклиная тот день, когда все это началось он перепрыгивал лужи и отворачивался от

потоков воды, с безжалостной грубостью срывавшихся с крыш.

У входа он нехотя отвечал на приветствия учащихся, делал вид, что не замечает пожилых учителей. Со злостью дернул и сорвал с последнего шурупа ручку от двери в класс.

В ходе объяснения новой темы он постепенно успокоился и даже рассказал учащимся анекдот о переписке Ленина с Сунь Ятсеном. Одной ученице анекдот понравился, она так смеялась, что смех ее он долго слышал, пока спускался в одиночестве по затемненной лестнице вниз.

Пятнадцать лет спустя с того времени, когда десятиклассница долго смеялась над его анекдотом. Его походка напоминала движение трактора из МТС, детали которого если и смазывали, то не тем, чем надо, а те детали, которые не смазывали, давно украли и пропили.

В его руках был старый, потертый со сломанными замками портфель, который ему подарили когда-то друзья по поводу какого-то события. Подходя к школе, он услышал из окна дома веселую, шаловливую песнь Филиппа Киркорова, что заставило его взбодриться. С грустью подумал, что десятиклассницы уже не столько смотрят на него, сколько слушают и что-то там записывают.

Может быть, он оставался тем самым блондином, которым его помнит та школьница, которая долго смеялась над его анекдотом, но определить это было невозможно за отсутствием блондинистости. Бороться за кипарисовую стройность он давно устал, да и голубизна глаз сменилась какой-то мутной серостью.

Учащиеся на расстоянии почтительно здоровались с ним, коллеги справлялись о его здоровье. А он думал про себя: "Не дождетесь!" Его давно раздражало отсутствие ручки на двери в класс.

Он долго рылся в старом портфеле. Все к этому, привыкли и спокойно ждали начала урока. Хотя чего там было рыться: пользоваться конспектом он не мог, т.к. ничего не видел без очков, а их, как правило, забывал дома на своем письменном столе, за которым все больше и больше проводил времени. Да и закон Ома для полной цепи он давно уже не путал с похожим законом.

«Дорогие друзья! - наконец молвил он, - когда я был молодой, как вы, высокий с горящим взглядом в глазах, мне представлялось, что мир создан для меня, а я создан, чтобы объяснить этот мир. С годами я все больше понимал, что чем больше изучаю физику, тем меньше в ней разбираюсь. И я рад, как это не парадоксально, данному обстоятельству. Если я вас чему-то научил, то со временем вы должны прийти к тому же оптимистичному выводу».

Все замерли в недоумении, и только одна ученица, чем-то напомнившая учителю ту хохотушку, в задумчивости, как бы сама у себя спросила: «К оптимистичному или пессимистичному?» Ответить ей он не успел...

Пока "Скорая помощь" везла его в больницу, в полузабытии он что-то пытался объяснить ей и чувствовал, что она его не понимает. Санитары торопили водителя. И, как это у нас иногда бывает, они успели. **Выйдя из больницы,** дома он увидел приглашение на прием к директору. Собирался не спеша. Глядя на себя в зеркало, когда брился, он никак не мог понять - на него смотрел молодой блондин с голубыми глазами. Потом что-то вспомнил, почти рассмеялся, одел белую рубашку, начистил, как раньше, ботинки до блеску и небыстрой, но твердой походкой отправился в школу. Его обгоняли бодрые, энергичные люди, куда-то спешили чем-то знакомые лица в свитерах, чинно следовали на

службу убеленные сединой граждане.

Возле школы он остановился. Поднял глаза к светлому, голубому небу, глубоко и умиротворенно вздохнул. Подумал: «Интересно, привернули ручку к двери в аудиторию, или ученики так и колупаются, как раньше?»

Войдя в школу, он с удивлением обнаружил в ней праздничное убранство, торжественно-веселое настроение учащихся и учителей. В том же настроении встретил его и директор школы.

- Здравствуйте, дорогой и уважаемый Учитель! Я пригласил Вас, чтобы нам всем вместе отметить Ваш юбилей работы в школе.

Учитель в растерянном недоумении смотрел на директора, в глазах его постепенно наворачивались слезы.

- Что с Вами, Учитель?

- А я то думал... я подумал.... В общем, я забыл о юбилее, - сказал он, - думал Вы меня вызываете...

- Зачем же я мог еще пригласить Вас во время болезни? - понимающе сказал директор.

«Школа» встретила старого учителя в актовом зале стоя под нестареющие звуки «Школьного вальса», как в тот далекий год, когда он спешил на свой первый урок и мысленно повторял закон Ома для полной цепи.